

Армен Ханбабян

Старик и пёс

12+

Армен Ханбабян

Старик и пёс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62781497

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ о старике и его верной собаке, которые, оказавшись волею событий на передовой, погибли, не расставаясь друг с другом.

Они долго просили его уехать с ними. Сын, жена, невестка, обе внучки. Невестка так даже на колени встала: – Папа! Папа! Мы вас не оставим! – Ну, ее дело такое – очки в глазах свекрови и мужа набирать. Хотя зря он так, она неплохая, в общем... Сын нервно ходил по комнате, жена и внучки плакали. Он их слушал. Терпеливо. Молча. Почти пять минут. Потом легко стукнул иссохшей, покрытой коричневыми старческими пятнами ладонью по столу. Все сразу умолкли. Как всегда. Он никогда не сердился, не кричал, но слушались его с полуслова. – Сказал же – не поеду. Так надо. С Псом останусь. И, глядя на сына: – увезёшь женщин. Обустроишь. Вернёшься за мной, тогда и поеду. Все, хватит скулить! Времени вам на сборы – полчаса.

– А если... – начал сын и запнулся.

– Никаких «если». Не войдут они сюда. Собирайтесь, не тяните!

Днём раньше проехал по деревне местный участковый на раздолбанном «газике». Хмуро предупредил людей: ситуация хотят не критическая, но хорошо бы вам, народ, куда-нибудь на недельку отъехать. Фронт приблизился, могут, неровен час, мины залететь, снаряды... Бережёного и Бог бережёт.

Понятное дело, уже к утру весь женско-стариковский состав эту рекомендацию выполнил. Оставались ещё двое-трое мужиков, которые пока ждали, когда их призовут, вот как

его сын. Эти решили – отвезём семьи и сразу на фронт, хватит ожиданием себе нервы трепать.

Ровно через полчаса сын рассадил семейство в свою «Волгу» и вошёл в дом.

– Готово..., – буркнул неохотно.

Старик вышел на крыльцо, опираясь на посох, сошёл по ступеням, подошёл к машине, вздохнул, перекрестил женщин.

– Езжайте, ни о чем не думайте. Скоро опять встретимся...

Мягкий рокот мотора растаял за воротами.

Конечно, он не верил, что когда-нибудь ещё увидит их. И не поехал, потому что точно знал: умрет в дороге. Чувствовал. И не хотел, чтобы произошло это вот так: в машине или на обочине, чтобы внучки видели, как он умирает, хорошо, если сразу, а если нет? Лучше не видеть им, ещё успеют на смерти насмотреться. А приедет сын, найдёт его мирно лежащего на кровати – это совсем другое дело... Может, конечно, и по-другому выйти, если враг в деревню войдёт... Ладно, поживем (он усмехнулся) – увидим.

Пёс, лежавший возле своей конуры, не без труда встал и подковылял к хозяину. Тоже ведь старик: зубы стёрлись, ноги едва переставляет, считай, ослеп уже... А ведь еще лет десять назад частенько с ним на охоту ходили. Как-то раз его огромный сильный гампр с невесть откуда взявшимся барсом сцепился, не струсил и загрыз зверюгу. Сам старик стре-

лять не мог, опасался Пса задеть. Потом целое разбирательство было: как, мол, так вышло, зверь ведь редкий, охраняется, вишь ты, государством! Да только придраться не к чему было, следов выстрелов нет... Собака спасла хозяина! Об этом потом даже в газете писали.

Теперь, конечно, Пёс не тот, да и сам он не тот, возраст есть возраст. И сердце сильно пошаливает. Оно и понятно: войну прошлую прошёл, ранен был, да и вообще жизнь не баловала...

Старик вернулся в дом. Пёс поплёлся за ним. Ну, это ладно, сегодня – можно... Старик присел к столу, на котором после завтрака остались пара кусков хлеба и сыра, неохотно пожевал. И двух часов не прошло, а взрывы мин и автоматные очереди можно было расслышать, уже не напрягая слух. Ясное дело, теснят наших. Видать, сдадут деревню. Бывает, на то и война. Сдадут, отступят к ближней высоте, укрепятся и контратакуют. Может, уже нынче ночью и отобьют. Такие вещи старик, как и любой мужчина в этом краю, понимал очень хорошо. И теперь думал только о том, чтобы не умереть раньше времени. Не хотел, чтобы чужие солдаты его мертвым нашли и стали над трупом глумиться.

Он тяжело поднялся со стула, прошаркал в кладовку, нашупал за шкафчиком ружьё. Не ружьё – мечта! Бельгийское, двенадцатого калибра, изделие знаменитой на весь мир фирмы Вальрейн. Он его ещё в советское время по большому благу отхватил, 400 рублей отдал, кто помнит те времена –

поймёт. Жена, конечно, поворчала: не в Африке, небось, живем, не на львов да слонов тебе ходить, третий год новый холодильник прошу достать... Женщина, что с неё взять, ей простительно. Зато все местное общество охотников-любителей долго гудело. Завидовали, конечно, куда ж без этого. Да и бог с ними, понять можно, главное – оружие самое надежное, точное, бой сильный, отдача нормальная.

Прихватив несколько патронов из шкафчика, Старик вернулся в комнату. Пёс довольно рыкнул. Проголодался, понял Старик.

– Придётся тебе потерпеть, друг мой. Если пронесёт – победаем через пару часов. А нет – так нам обоим обед никогда уже не понадобится, – бормотал Старик.

Тщательно зарядив оба ствола патронами с самой крупной картечью (когда-то с такой на волков заживал), он, кряхтя, обул высокие ботинки армейского образца, накинул широкий плащ темно-болотного цвета, взял посох и дробовик и, выйдя во двор, запер до сих пор остававшиеся открытыми ворота. А вот калитку запирасть не стал, ни к чему это. После чего уселся на скамейку возле крыльца и стал терпеливо ждать. Пёс тихо лежал у ног.

Миновал час, другой. Старик закурил очередную сигарету (врачи, конечно, строго-настрого курить запретили, да что уж теперь), когда услышал доносящейся с улицы топот. Он тяжело поднялся, подошёл к калитке, осторожно выглянул. С десятков знакомых бойцов быстро отходили в сторону ве-

душей в крайцентр дороги.

Он хмыкнул, подумав, что эти несколько человек долго сдерживали противника, а теперь, оторвавшись, уходят к ближайшей высотке, надеясь закрепиться там и ждать подмоги чтобы отбить село. Скорее всего, так оно и будет.

«Нам бы народу побольше, не полезли бы соседи... Их вон сколько, а нас...». Махнув рукой, Старик снова сел возле крыльца, прикрыв полый плаща дробовик. Но перед этим очень тщательно и аккуратно сориентировал стволы так, чтобы глядели точно на калитку. Пёс никак не отреагировал, только смотрел слезящимися глазами.

– Ну что, друг, конец нам с тобой приходит, а? – Старик потрепал Пса за холку, и тут на улице снова послышались шаги. Но теперь шли медленно, с опаской. Старик вздохнул и поправил полу плаща. Раздались громкие удары: солдаты противника уже ломились в запертые ворота соседнего дома. Старик усмехнулся. Сосед Вачик всегда куркулем был, куркулем и остался. Ночью, перед отъездом, крепко-накрепко запер и двери в доме, и калитку, и на ворота амбарный замок повесил. И ведь знает же, что ни к чему все это, что те, кто ушли, и без того никогда в соседский дом не полезут, а те, которые идут, ни на какие замки смотреть не станут, да вот не может человек себя пересилить.

Калитка скрипнула, медленно приоткрылась. В образовавшемся проёме показалась голова в каске, потом одно плечо, потом рука. Наконец, асляр предстал во весь рост. За ним

угадывалась ещё одна фигура.

Эээ?! – удивился асляр. – Ермени?! – он сделал шаг вперёд, освобождая напарнику проход, и с тем же удивленным выражением на лице стал поднимать автомат. Старик усмехнулся и, не доставая ружьё из-под плаща, нажал на курок. Все же он очень неплохо стрелял когда-то.

Дробь попала асляру в лицо, превратив его в кровавую маску. Он хрюкнул и завалился на спину, прямо на стоящего позади напарника. Старик поднялся, приложив приклад к плечу. Встал, угрожающе зарывчав, на дрожащие лапы и Пёс.

– К ноге! – негромко сказал старик. Пёс не сдвинулся с места, но продолжал рычать. Второй асляр, крича от страха и ненависти, ворвался во двор, поливая все вокруг автоматными очередями.

– Шустрый какой! – успел удивленно подумать Старик. – Спецназ, скорее всего, – и нажал на курок за миг до того, как пули разорвали ему грудь. Второй солдат взвыл и, схватившись за плечо, закрутился на месте. Тут же во двор бросили гранату.

Посеченный осколками Пёс умер через пару минут, сумев подползти к трупку хозяина. Но вот положить голову на сочащуюся кровью грудь Старика сил у него уже не хватило.